

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

М.Н. Кокаревич

К ПРОБЛЕМЕ РАЗЛИЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Томский государственный архитектурно-строительный университет

Представляя культуру как объективацию и экспликацию человеческой природы и как систему, адекватную системе составляющих человеческой сущности, можно реконструировать структуру культуры, выделить структурные элементы в соответствии с системой свойств человеческой природы. Именно протокультурность человеческой сущности становится детерминирующей и определяет специфику метафизического концепта «человеческая природа» на современном этапе развития философской антропологии и философского эссенциализма. Представляется возможным постулировать протокультурность как онтологическую сущность человеческой природы.

Действительно, если начинать рассмотрение человеческой сущности с базовых потребностей, как это делает Б. Малиновский, то непонятен и необъясним генезис производных потребностей, поскольку последние не могут появиться вне культуры, и даже объективация базовых потребностей культурно обусловлена. Тогда остается признать, что культуросозидающие потребности также фундаментальные, имманентно присущие человеку. Они пронизывают его, сливаются с биологическими, что проявляется в объективации последних, будь то утоление голода и жажды в собственно культурной, присущей данному человеческому сообществу форме. Поэтому если в вертикальном аспекте естественно определять место человека в мире живых существ в терминах телесного, биологического, базового, позиционального и т.п., то в горизонтальном аспекте, акцентирующем внимание на собственно человеческом в человеке, точнее говорить о культурных и цивилизационных компонентах человеческой природы.

Культура и цивилизация – старинная оппозиция. Вместе с тем представляется, что не получили логического завершения дискуссии о связи цивилизации и культуры. Существует множество точек зрения на соотношение данных понятий. Во-первых, такие культурологи, как Э. Тайлор, А. Тойнби, А. Кребер, К. Клакхон и ряд других, рассматривают термин «цивилизация» как синоним «культуры». Культура и цивилизация отождествляются рядом исследователей как культурно-исторический тип и «цивилизацион-

ный архетип», цивилизация рассматривается как «метаэтнокультурная общность» [1].

Во-вторых, такие культурологи, как Н.Я. Бердяев, Г.Г. Шпет, О. Шпенглер, К. Лоренц, считают, что культура и цивилизация – это не одно и то же. Цивилизация есть этап развития культуры, причем – этап упадка культуры, по мнению этих исследователей.

Еще более трагично понимание цивилизации О. Шпенглером. Для него цивилизация – не просто эпоха упадка культуры, а эпоха окончательного упадка, смерти культуры, наступающей с неизбежностью и необходимостью. Цивилизация им характеризуется превышающим некоторое критическое значение количеством населения, совершенно не философствующего, чуждого глубокой, экстатической, благоговейной религиозности, живущего только материальными интересами. Субъектом цивилизации является горожанин, оторванный от национальных традиций, растворенный в бесформенной людской массе, живущий в мире интернационального искусства. Легко видеть, что современная западноевропейская культура – это эпоха цивилизации.

Вместе с тем, несмотря на названные признаки упадочности, европейская культура, например, по-прежнему живет в деятельности тех людей, для которых имеют смысл ценности культуры; которые способны бороться за идеалы Добра, Красоты, Истины; для которых жизнь – смыслообретение и реализация смыслов. Таких людей немного в современную эпоху, но носители культуры и тем более ее создатели – культурная элита – всегда часть населения. Это реальность, с которой следует считаться. Ф. Ницше с сожалением отмечал, и это касается не только каждого человека, но и человеческого сообщества в целом, что культура – это тонкая яблочная кожура над раскаленным хаосом. Вместе с тем нет основания утверждать, что культурная элита исчезнет, перестанет влиять на общество, пробуждать в нем духовность как потребность к осмыслению себя в мире и благоговейное отношение к ценностям своей культуры. Поэтому естественнее рассматривать, с нашей точки зрения, цивилизацию как аспект культуры.

Итак, в-третьих, цивилизация – это необходимый, постоянный аспект всякой культуры. Его наличие обусловлено определенными сторонами человеческой природы. С одной стороны, человеку присуща культурная жажда – жажда творчества, смысла своего существования, веры, служения идее красоты; с другой стороны, человек нуждается в хозяйствовании, чтобы добывать, в частности, пищу, в безопасности, в благополучии. В первом аспекте человек существует как носитель культуры, создает культуру, во втором – строит цивилизацию. И культурные и цивилизационные компоненты осознаются, существуют как мотивы, желания, цели, становятся ценностями в процессе жизнедеятельности.

Следует отметить, что структура человеческой природы, представленная как единство материальных, биологических и духовных потребностей, свойственна разработке проблемы человеческого бытия в вертикальном аспекте, когда философская антропология была занята поиском места человека в ряду живых существ. С разработкой горизонтального аспекта человеческой природы, что отражает дальнейшее углубление именно в человеческую сущность, стало очевидным, что первичные материальные потребности выступают всегда в социализированной форме, в форме цивилизационных потребностей: в организации и ведении хозяйства, в освоении жизненного пространства, в благосостоянии и благополучии; в потребности в браке и семье в форме упорядоченных отношений между полами, в заботе о потомстве; в потребности социальной и политической организации.

Потребность в благополучии, к примеру, может перерасти в цель накопления денег. Достижение последней при условии полной самоотдачи превращает деньги в ценность, как у Гобсека, Скупого рыцаря. Аналогичная потребность благосостояния, благополучия у римлян порождает жажду материальных благ. Практицизм у них становится ценностью, столь же огромной, как служение отечеству. Именно объективация этих ценностных установок предопределила создание таких символов Рима, как римское право, акведуки, мосты, другие инженерные сооружения, удобные виллы и т.п.

Прослеживаемая на конкретном примере связь между потребностями, целями и ценностями позволяет, тем не менее, сделать общий вывод. На уровне личностного сознания потребности осознаются как цели. Социокультурная реализация индивидуальных целей как перевод индивидуального, личностного в общее, надличностное превращает область пересечения многообразных целей в совокупность социокультурных целей, принимаемых большинством сообщества. В силу данного обстоятельства эти цели становятся ценностями, общепринятыми нормами поведения, художественного творчества, всех видов человеческой деятельности. Ценности становятся

звеном, опосредующим поведение и деятельность людей: они являются детерминантами нормативного поведения и деятельности во всех сферах культуры. Ценности существуют и как духовные сущности (например когнитивные истины, нормы морали, стилевые нормы), и как их опредмечивания, выступающие в виде языка, символа, знака, которые воздействуют на сознание субъектов данной культуры.

Ценности в своих различных формах активно воздействуют и регулируют все многообразие жизнедеятельности человека. Само собой разумеется, эта регуляция проистекает из того обстоятельства, что ценности отвечают своему сущностному основанию – человеческой природе, являются воплощениями общих типических целей. Тогда под регулятивной функцией ценностных форм следует понимать их целесообразное воздействие на деятельность людей в определенном направлении, что находит отражение во всех видах человеческой деятельности, формирует личностную ценностную систему, заставляя человека действовать соответствующим образом. Регуляция может принимать стихийный характер, выступая в форме подражания, моды и пр. Признание тех или иных ценностей является весьма важным моментом в регулирующей функции ценностной системы. Регулятивная функция ценностей создает необходимые условия функционирования человека в культуре. Стержнем духовной жизни культурно-исторического типа, культурной эпохи становится ценностное ядро, воплощающее сущностные, имманентно присущие человеческой природе культурные и цивилизационные компоненты. Ценностное ядро, тем самым, определяет характер целей жизнедеятельности человека.

Ценностная система представляет собой объективацию культурно-цивилизационных составляющих человеческой природы, развертывающихся в рамках какой-либо культурно-исторической реальности. Поэтому она всегда конкретна, качественно своеобразна. По ней можно судить обо всех сферах культуры данного сообщества: об образе жизни, об искусстве и т.п. Ценностное ядро вырабатывается постепенно тем или иным сообществом, являясь квинтэссенцией его целей. Поскольку сообщество людей существует как социальная система, как многоуровневость социальных групп, то ценностная система приобретает социальный характер, окрашивается свойствами той или иной социальной группы, социального слоя.

Можно говорить о трехступенчатой иерархии ценностей. Высшую ступень этой иерархии занимают ценности, общие для культурно-исторического типа. Это фундаментальные, ментальные ценности; их, как правило, немного. Следующая ступень определяется наличием множества частных конкретных ценностных систем, коррелятивных определенным частным сообществам: социальным группам, научным школам, художественным направлениям и т.п. После-

дня ступень – множество единичных, индивидуальных ценностных систем. Общее для всех ценностных систем быть центром пересечения, квинтэссенцией цивилизационных и культурных составляющих человеческой сущности.

Общие, частные, индивидуальные системы ценностей образуют некоторое единство, взаимозависимость. В этом единстве приоритет принадлежит общим ценностям как детерминантам частных и единичных. Совокупность единичных ценностей экстраполируется на уровень общих и типических, поскольку воплощает цивилизационные и культурные компоненты человеческой природы. При этом общие ментальные ценности отнюдь не представляют конгломерата единичных ценностных систем, хотя именно в них они имеют свою реальную основу и источник. Вбирая в себя содержание единичных ценностных систем, частные и последовательно общие представляют собой то наиболее типическое, основное, что содержится во множестве единичных и последовательно частных ценностных систем. Поэтому все ступени иерархии связывает последовательная детерминация: единичные детерминируются частными и общими, частные – общими.

Выстраиваемая цепочка «потребности – цели – ценности» становится социокультурным феноменом, носит и личностный характер, т.е. реализуется в жизнедеятельности отдельных индивидов, и всегда воплощается в жизнедеятельности человеческого сообщества, т.е. носит и надличностный характер. Поэтому если рассматривать человеческую природу как денотат собирательного понятия «человеческая природа», то для нее последовательность «потребность – цель – ценность» становится системой и единством, составляющими совокупность компонент человеческой природы. Соответственно, существуют культурные компоненты: культурные потребности, цели, ценности и цивилизационные компоненты: цивилизационные потребности, цели, ценности.

Цивилизация не знает смыслов, идеалов, она знает только цели, ценности. В отличие от цивилизационных, цели в культуре всегда обусловлены определенной системой идеалов, смыслов, т.е. трансцендентальных ценностей, поэтому «культурная» деятельность – это всегда горение, служение идее, реализация определенных смыслов, а человек, осуществляющий эту деятельность, является носителем культуры, или человеком культуры.

Связь «культурности» человека и стремления к идеалу настолько закономерна, что находит свое отражение в ряде определений культуры. Так, Г. Зиммель утверждает, что культура – постоянный синтез творческих, субъективных устремлений и служение объективной задаче, идеалу [2, с. 457].

Действительно, культурный человек – носитель парадигмальных ценностей культуры. Для него они значимы, имеют личностный смысл, определяют про-

цесс его жизнедеятельности. Поэтому духовность – его основное качество. Такой человек не просто функционирует в обществе как винтик в хорошо отлаженном механизме, т.е. выполняет определенную работу, насыщается пищей и информацией, готовится к новому трудовому дню. Он также осмысливает свои действия и поступки, сравнивая их с идеалами, ценностями своей культуры, культурной эпохи. Его жизнедеятельность представляет собой реализацию определенных ценностей, смыслов, служение им. Эти личностные ценности одухотворяют его жизнедеятельность, как бы озаряют ее изнутри, превращая ее в творчество, насыщая размышлениями о ее целях, путях и задачах.

Духовность как смыслообретение или реализация определенных смыслов является фундаментом для обретения ценностей данной культуры, для превращения парадигмальных ценностей культуры в личностные смыслы. В этом случае человек становится носителем культуры, воплощает культурные составляющие своей сущности. Как правило, процесс формирования духовности, смыслообретенности происходит в рамках определенной культуры и совпадает со становлением человека как носителя культуры, или культурного человека, видящего смысл в ценностях именно данной культуры.

Если культурные составляющие человеческой природы, превращенные в цели и определяющие смыслообразующую систему ценностей для человека как субъекта культуры, именно в силу своей трансцендентальности одухотворяют его действия, делают его деятельность собственно культурной, то цивилизационные цели чаще всего объективируются в создание средств для поддержания жизни, обеспечения безопасности, благополучия. Если цивилизационная деятельность опосредована ценностями, то последние носят посюсторонний характер, например семья.

Итак, рассматривая человеческую природу как единство цивилизационных и культурных составляющих, отмечаем посюсторонность цивилизационных ценностей и трансцендентальность культурных ценностей. Несомненно, когда Рушворт Киддер, обобщая результаты социологического опроса шестнадцати наций, проведенного институтом глобальной этики, выделяет такие универсальные ценности, как любовь, честность, справедливость, согласие, то это – цивилизационные ценности [3].

Вследствие трансцендентальности культурных ценностей данное словосочетание «культурные ценности» имеет право на существование только в силу удобства и признания симметрии компонент человеческого бытия, дабы подчеркнуть их равноценность и относительную самостоятельность. Культурные ценности – и религиозные, и эстетические, и этические, и философские, и познавательные – это идеалы, сущностным свойством которых является их трансцендентальность, их существование, аналогич-

ное существованию платоновских эйдосов. Таковы – Бог, Красота, Сущее, Истина и т.п. Когда мы говорим «ценность», то здесь подразумевается оценивание, т.е. оценивание человеком, очеловечение. Объявляя Бога высшей ценностью, мы принижаем его божественную сущность, отказываем Сущему, Богу в объективном существовании.

Нище заменяет «идеал» «правом», понятие истины «справедливостью», посюсторонней ценностью. Он отчетливо осознает, что только справедливостью можно назвать право воли к власти назначать, чему быть истиной и чему не быть ею, чтобы усилить свою волю. Истина, когда находится во власти человека, перестает быть таковой [4, с. 694–696, 736–740].

Различие цивилизационных и культурных ценностей в аспекте их существования как, соответственно, посюсторонних и трансцендентальных коррелирует с размышлениями многих авторов. Н.Я. Данилевский пишет: «...религия имеет, без сомнения, несравненно большую важность, нежели все остальное, что мы разумеем под именем цивилизации, и не объемлется цивилизацией, потому, что по самой сущности своей выходит за пределы земного» [5, с. 129].

Действительно, в культурологической лексике данное различие отчетливо проявляется в названии той или иной культуры. Культуры, в парадигмальном ядре которых цивилизационные доминанты либо преобладают, либо представлены в достаточной мере, т.е. акцент на человека и его земное обустройство ярко выражен, характеризуются как цивилизации. Очень естественно звучит – римская цивилизация, европейская цивилизация, но странно – русская цивилизация, намного лучше и естественнее – русская культура.

Существование культурных ценностей как идеалов предполагает направленность культурной деятельности на идеал. В связи с этим, как мы уже отмечали, культура немислима без понятия служения. Служение идеалу представляется основным условием культурности, сущностным признаком культуры. Поэтому данное свойство подчеркивается во многих определениях культуры. Например, у Й. Хейзинги «культура характеризуется определенным идеалом, гомогенным по своей сущности, на который ориентированы различные формы деятельности общества» [6, с. 262].

Цивилизационные ценности как воплощение цивилизационных потребностей существуют как блага, средства, условия выживания, средства в борьбе за существование, социальные институты, такие как семья, государство и т.п. Существование цивилизационных ценностей в качестве условий для выживания и обустройства человека в мире, «общезначимых и необходимых вещей», по А. Веберу [7, с. 21], означает направленность цивилизационной деятельности на человека. В соответствии с этим в реализации цивилизационных потребностей достаточно трудо-

любия, дисциплинированности в ведении хозяйства, выполнения долга перед семьей, осуществления обязанностей гражданина. Если субъект культуры служит, то субъект цивилизации функционирует. В самом концепте «функционирование» уже заложены элементы механистичности, схематичности, шаблонности. Поэтому функционировать можно плохо, хорошо, добросовестно и т.п. Это подтверждает ряд коннотаций: исполнение, соответствие, выполнение определенных функций. Функция, по определению, – это специфический закон, правило.

В европейском сознании с его культом труда, освященным христианством, цивилизационная компонента занимает значительное место и всегда тесно связана с созданием искусственной среды существования человека, с функционированием. Если величественные сооружения, мощная техника составляют предмет гордости европейцев, возносят европейский интеллект на такую высоту, что даже с его развитием отождествляют развитость и неразвитость всех других сообществ, то технически совершенные орудия истребления, жизнедеятельность как функционирование, исполнение predeterminedных техногенной средой ролей, механизация всех сфер жизни, и производственной, и бытовой, и досуга, господства экономических, социальных и политических технологий всегда вызывало и вызывает, особенно в современную эпоху, опасения, страх за будущее.

Таким образом, рассматривая цивилизацию и культуру как воплощение человеческой природы, ее культурной и цивилизационной компонент, мы отмечаем существенное их различие и, соответственно, различие культурных и цивилизационных ценностей: посюсторонность и существование в форме средств и условий жизнедеятельности цивилизационных ценностей и вызываемые ими функционально заданные действия; трансцендентальность культурных ценностей, их существование в форме идеала, которому должно служить. Этот факт относительной самостоятельности культурных и цивилизационных составляющих человеческой природы и зафиксирован в их объективациях – цивилизация и культура.

Другое различие цивилизационной и культурной составляющих человеческой природы проявляется в деятельности человека. Культурная компонента посвящает человека служению и предполагает полную самоотдачу, растворение в самом процессе деятельности. Такая деятельность регламентируется только смыслами, идеалами. В этом аспекте можно говорить о бесцельности процесса реализации культурных потребностей, о высокой степени свободы культурной деятельности. Здесь захватывает сам процесс, он важнейшая составляющая, к примеру, художественного творчества, деятельности во имя Красоты.

В европейской культуре акцентирование на представлении культуры как свободной деятельности, регламентируемой лишь смыслами и протекающей

с полной самоотдачей, находит свое воплощение в понимании культуры как игры у Ф. Шиллера и в теории культуры Й. Хейзинги.

Представляются очень различными такие объективированные формы человеческой деятельности, как статуя, книга, с одной стороны, и аплодисменты, вознаграждение, повышение социального статуса – с другой. В первом случае мы имеем дело с воплощениями Красоты, Смысла, а также цивилизационной оценкой вложенного труда, придания статуса от лично выполненного изделия, шедевра и т.п.

Это означает, что, с одной стороны, здание, скульптура – это символ определенной идеи Красоты, Бога, а с другой – памятник Человеку, его умениям, его способностям, многотрудным усилиям. Именно поэтому субъект цивилизации видит в египетских пирамидах и высеченных в скалах изваяниях Будды прежде всего величественный гимн Человеку, и поскольку ценит в них отражение собственных усилий, затрат, то не мыслит поднять на них руку. В то время как, например, для талибов статуи Будды в провинции Бамиан были олицетворением чуждых идеалов, чужого Бога, а значит, и ненавистного. Утверждая свою культуру, эти апологеты исламского фундаментализма, попросив у Аллаха прощения за то, что так долго терпели на своей земле святотатство, расстреляли статуи как символ другой культуры. Это пример не цивилизационного, а культурного отношения. Подобное происходило в Киеве, когда одних деревянных кумиров велели изрубить, других предать огню. Перуна же привязали к хвосту коня и волочили его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставили двенадцать человек колотить его железом. Утверждение христианской культуры, христианских идеалов в западном мире тоже происходило за счет унижения и уничтожения чуждой античной культуры. Христиане разрушили Александрийскую библиотеку, убили выдающегося ученого математика Гипатию.

Цивилизационный подход, напротив, предполагает бережное отношение ко всему созданному человеком, потому что это история Человека, памятник Человеческому гению. Цивилизационная составляющая заставляет строить музеи, не те музеи, кото-

рые в древнегреческой культуре были местами обитания муз, т.е. средоточием культуры, а музеи, созданные западноевропейской ментальностью с ее приоритетом человеческого, с приоритетом цивилизационных составляющих, превращающих музеи в памятники истории человечества.

Еще один момент, цивилизационная составляющая – это те мысли и чаяния, которые связаны с вознаграждением и социальной статусностью, с утверждением огромных возможностей и талантов человека. Поэтому цивилизационная компонента ориентирует человека на результат, заставляет его последовательно и методично трудиться, составлять план, проектировать свою деятельность. Цивилизационная составляющая в готовой вещи – это объективированное мастерство, умение, потребностей в блага. Культурная составляющая – это объективирование идеалов, смыслов, душевного возвышенного состояния, испытываемого при соприкосновении с Богом, субъективной завороченности человека-творца идеями. Иначе говоря, цивилизационная составляющая направлена на Человека, на его земное обустройство, культурная составляющая направлена на Бога, на Абсолют.

Эти свойства цивилизационной составляющей позволяют объяснить такие общие признаки концепта цивилизации, выделяемые многими исследователями, как технологичность, механистичность, рационалистичность. Абсолютизация этих признаков, отрыв цивилизации от культуры, т.е. в своей основе отрыв цивилизационной составляющей от культурной составляющей человеческой природы, приводит А. Вебера к представлению об общности, интернациональности цивилизации.

Подобная точка зрения, как было сказано выше, является результатом абсолютизации самостоятельности культуры и цивилизации, что свойственно подавляющему большинству исследователей. В то время как каждая культура есть единое культурно-цивилизационное образование. При этом данное единство обусловлено целостностью человеческой природы и в то же время относительной самостоятельностью ее культурной и цивилизационной составляющих.

Литература

1. Найдыш В.М. Цивилизация как проблема философской антропологии // Человек. 1998. № 3.
2. Зиммель Г. Избранное. Философия культуры. М., 1996.
3. Киддер Р. Универсальные человеческие ценности // Впереди XXI век: Перспективы, прогнозы футурологии. М., 2000.
4. Ницше Ф. Эссе homo. Как становятся сами собою: Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
7. Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1999.